

М. А. Бурибаева

ОБ ОДНОМ ТЮРКСКОМ СЛОВЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Диалог двух параллельных, в то же время исторически перекрещивающихся языков и культур тюрков и славян способствовал возникновению особой научной дисциплины под названием «тюрко-славянская контактология». Данная область оказалась в центре внимания историков, культурологов, философов, лингвистов и литературоведов, которые до настоящего времени открывают новые грани в исследовании «загадочного» тюркского и славянского миров.

Центральной в настоящем исследовании является проблема изучения тюркских слов в русском языке, а именно вопросы их формальной и грамматической адаптации и те семантические трансформации, которые произошли за несколько веков «проживания» иноязычного слова в русском языке. Глубокое научное исследование заимствований, появившихся в результате контактов славянского и тюркского народов позволяют лучше понять время вхождения и ареал распространения того или иного слова в языке, а также историю развития этносов.

Из огромного числа тюркизмов*, функционирующих в современном русском языке, для анализа мы выбрали слово «кандалы», которое существует в русском языке уже шесть веков, преодолевая собственную лексическую вариативность в древне- и среднерусский период развития языка, а сейчас настолько «вжившееся» в лексическую систему русского языка, что потеряло свою «иноязычность», «чуждость» и даже в какое-то время было «актуальным» атрибутом-символом определенной эпохи – в период существования крепостного права и в дореволюционной России:

Очи-то ясные, Щеки-то красные, Пухлые руки как сахар белы, Да на ногах — кандалы! (Н.А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо (1865-1877));

Схороните и восстаньте, Кандалы порвите, Вражескою злою кровью Волю окропите! (Ф.К. Сологуб. «Как умру я, схороните...») (1924.05.30);

Почти всегда Владимир Галактионович рассказывал что-нибудь из своей жизни, и хотя в его застольных рассказах чаще всего фигурировали обыски, ссылки, аресты, жандармы, железные решётки, сибирские этапы, урядники, кандалы, часовые, — основной тональностью всех его воспоминаний был тот особенный, мягкий, непритязательный королёвский юмор, какой слышится во многих его книгах, особенно в «Истории моего современника». (К.И. Чуковский. Короленко в кругу друзей (1940-1969)).

Данные примеры извлечены нами с сайта На

ционального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), где можно встретить неизмеримое количество примеров употребления слова «кандалы» в современном русском языке: на страницах художественной литературы, средств массовой информации, в разговорной речи и т.д. В русской картине мира кандалы ассоциируются с каторгой, с Сибирью, с ссылками. Как же появилось это слово в русском языке, столь не похожее по внешнему облику на исконно русское?

Слово «кандалы» в современном русском языке употребляется только во множественном числе и обозначает «железные кольца с цепями, надеваемые на руки и ноги тем, кто арестован за особо тяжёлые преступления (в дореволюционной России и многих других странах)» [1, с. 228]. Б.А. Ларин отмечает, что в русском воровском аргословии слова «браслеты» и «манелы» обозначают «кандалы» и также употребляются только во множественном числе [2, с. 113-130]. Как свидетельствуют лексикографические источники, кандалы использовались в дореволюционной России и других странах и представляли собой «железные кольца, скрепленные цепями, надеваемые на руки и ноги обвиняемым в тяжких преступлениях», «оковы» [3, с. 373].

В памятниках русской письменности XI-XVII вв. слово «кандалы» существует в различных лексических вариантах, как *кондалы, койдалы, кайдалы*. «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных свидетельствует, что современная форма «кандалы» употребляется с XVIII века (с 1731 г.) [3, с. 373]. Здесь отмечается, что в форме «кайдалы» слово стало известно с XVI века, в частности приводится пример из памятника, датированного 1551 г.: «Федка Иванов, сын *Кайдал*, вознесенский дьяк». Однако такое мнение нам представляется ошибочным, поскольку по внешнему облику слово похоже на оным и его значение не совсем понятно в данном контексте. Здесь также мы обнаруживаем, что в гл. 21 оно три раза встречается в старопечатном «Уложении» 1649 г. Например, «посылать в *кайдалах* работать» (ст.9, с. 299). Хотя составитель словаря, ссылаясь на М. Фасмера, отмечает, что «старшей формой, по-видимому, является *кайданы*».

Словарь свидетельствует, что слово «кандалы» в значении «оковы», «путы» функционирует в украинском, белорусском, болгарском, сербо-хорватском, чешском языках. «Это слово, в конечном счете, из арабского языка, ср. араб. *qaid* – «цепь», «кандалы», «оковы» <...>, м.б., при посредстве тюркских языков,

* Здесь: под тюркизмами мы понимаем слова, вошедшие в русский язык непосредственно или опосредованно из тюркских языков

хотя в совр. тюркских языках подобного слова (с таким знач.) пока не обнаружено» [3, с. 373].

Словарь русского языка XI-XVII вв. свидетельствует о первом употреблении анализируемого слова в варианте 'койдалы' в «Хозяйстве крупного феодала-крепостника XVII в. [Хозяйство боярина Б.И. Морозова, ч. I]» – памятнике середины XVII века:

Беглых даточных людей переимали и ... заковав в койдалы, или за крепкими поруками при(сла)ли б к Москве (Хоз. Мор. II, 222. 1660 г.).

Наряду с данным вариантом в памятниках русской письменности XVII века одинаково употребляются и другие лексические варианты слова, как, например, кайдалы, кондалы, кандалы:

- И привязанъ быхъ желѣзы, на выѣ чепь, а на ногахъ кондалы (Чел. Лаз.) Суб. Мат. IV, 264. 1668 г.);

- И того де Черкашенина... сбивъ кайдалы съ ногъ, отпустили (ДАИ X, 396. 1683 г.);

- А ись тюрьмы вымая его посылать въ кандалахъ работать всякое издѣлье, гдѣ государь укажетъ (Псков. а., 197. 1683 г.)

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля встречаем две формы 'кандалы, кайданы' со следующим толкованием: «оковы, железные вязи, путы, надеваемые на преступников; колодка, цепи». Кандалы бывают ручные и ножные, замочные и глухие, с заклепой» [4, с. 84].

В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой также имеется словарная статья с заголовочным словом «кандалы», где приводятся все возможные точки зрения относительно этимологии этого слова: «<...> кандалы от ар. kajdāni». Ф.Е. Корш утверждает о заимствовании из турецкого kändeli, что означает 'носящий оковы'. Фасмер, соглашаясь с мнением Миклошича, утверждает о заимствовании данного слова русским, украинским, польским языками посредством тюркских языков из арабского qaidāni, а, по мнению Огиенко, слово в русский язык попало из турецкого языка [5, с. 158]. Одним словом, большинство исследователей предполагают о заимствовании формы двойственного числа слова из арабского языка *кайдан*.

Анализируемое слово очень легко спутать с другим словом, употребляющимся в памятниках, похожим по внешней форме на слово «кандалы», – 'гайтан' с вариантами 'гойтан', 'гонтай' в значении «шнурок»:

- Манисто на гаитанһ (Дух. и дог. гр., 349, ок. 1503 г.);

- Старец Иларион Конанов купил... суконцо под воилока 4 алтны з денгою, вожжи ворвани... 10 гойтанов ременных переманатошных (Кн. расх. Кир. м. № 381, 86 об. 1606 г.);

- А на гонтаһ была мошенка, а в мошенкһ денегъ было 12 алтынъ (АХУ II, 696. 1629 г.).

Хотя В.А. Смирнов «предполагает, что тат. слово *хайтан* 'шнурок', столь близкое по звуку и значению к ар. *кайд*, означающему еще и просто

«верёвку», «поводок», и служило названием кандалов... так что, вероятно, от татарского *хайтан* ближайшим образом, а не непосредственно от ар. *кайд*, и образовалось русское кандалы» [5, с. 159], в приведенных выше иллюстративных материалах видно, что слово «гайтан» в истории русского языка функционировало самостоятельно в собственном прямом значении «шнурок» и даже служил основой таких варьирующихся производных слов, как *гайтанникъ*, *гойтанникъ*, *гойтонникъ*. Например,

- Даны на оброк пустых дворов задворки на Боркове улице... Поздека сапожника, да Ондрюши голянчика, да Третьячка гойтонника (Новг. лав. кн., 149. 1583 г.);

- Мнсто тяглое... Тимоха Лукина гойтанника (Новг. п. кн. II, 23. XVI в.).

В отличие от слова 'гайтан' производных слов от «кандалы» в Словаре русского языка XI-XVII вв. мы не обнаружили.

Как видно, из примеров и из этимологических словарей почти все иноязычные слова «переживали» явление вариативности. Об этом свидетельствуют как Словарь русского языка XI-XVII вв., созданный на основе Картотеки древнерусского словаря, так и отдельные исследования [6].

Таким образом, слово «кандалы» очень легко адаптировался в русском языке и в современном русском языке оно имеет негативную семантику, в своем единственном кодифицированном варианте употребляется в прямом и переносном значении. Об этом свидетельствуют следующие примеры, извлеченные из поэтического, газетного и др. корпусов русского языка:

Язык — не связь, но узы, оковы, кандалы (В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975-1998).

А о ней и говорить не приходилось — это было почти невозможно, джинсы окольцовывали, словно кандалы (А. Кабаков. Тусовщица и понтярщик (1990)).

Для кого-то узы Гименея — шелковые ленточки, для кого-то — кандалы. (Бывает ли свобода в браке? // Комсомольская правда, 2007.10.06).

Сию же минуту всех в кандалы / в Сибирь / в каторгу. (Виталий Мельников. Бедный, бедный Павел, к/ф (2003)).

В тыща девятьсот сорок девятом году Василий Чугунов был обвинён в космополитизме за исторический роман «Кандалы Кюхельбекера». (Карен Шахназаров, Александр Бородинский. Город Зеро, к/ф (1988)).

Как отмечает современный исследователь Е.В. Маринова, в современной науке недостаточно разработаны вопросы, связанные с типологией иноязычных слов. Исследователь пишет, что типологическое описание иноязычной лексики должно основываться на многомерной классификации. «При этом должны учитываться: тип лексического значения заимствуемого слова (экзотическое / неэкзотическое, терминологическое / нетерминологическое),

стилевая принадлежность, словообразовательные возможности, графика (кириллица / латиница), особенности функционирования в различных речевых сферах и др. <...>.

Своеобразные парадигматические отношения выстраиваются между формальными разновидностями (вариантами) одного и того же иноязычного слова. При этом в одних случаях различия вариантов обнаруживаются как в письменной, так и в устной речи (*ланч – ленч*), а в других – только в письменной или только в устной речи (*Интернет – ИнтерНет – интернет – Internet; маркетинг – маркэтинг*) [7, с. 4].

Что касается изучения освоения иноязычных слов в синхронно-диахроническом аспекте или на современном этапе развития русского языка, то здесь также мы сталкиваемся с актуальными и нерешенными вопросами, связанными с нормой русского литературного языка, кодификацией слова и его лексикографической фиксации.

Трудно дать исчерпывающий ответ на вопрос «почему в языке остается тот или иной вариант слова», но, тем не менее, смеем утверждать, что в синхронном срезе вариативность есть норма литературного языка, в диахроническом – ее становление. Если говорить о тюркизмах в русском языке, то прежде, чем прочно войти в лексический состав современного русского языка, на протяжении нескольких веков они пережили длинный путь в истории языка – от лексической вариативности к норме.

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус.яз., 1986. – С. 228.

2. Ларин Б.А. Западноевропейские элементы русского воровского аргота // Язык и литература. - Т. VII. - Л., 1931. - С. 113-130.

3. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2006. – С. 373.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2: И-О. – М.: Рус.яз.-Медиа, 2006. – С. 84.

5. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алматы: «Наука» КазССР, 1976. – С. 158-159.

6. Бурибаева М.А. Лексическая вариативность тюркизмов в памятниках русской письменности XI-XVII вв.: дис. ... к.филол.н. – Алматы, 2005.

7. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX-XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол.н. – М., 2008. – С. 4.

Сокращения памятников русской письменности:

АХУ II, 696. 1629 г. – Акты Холмогорской и Устюжской епархии, ч. 2 (РИБ, т.14. СПб., 1894). 1500-1706 гг.

ДАИ X – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. X. СПб., 1867. 1682-1683 гг.

Дух. и дог. гр., 349, ок. 1503 г. – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950.

Кн. расх. Кир. м. № 381, 86 об. 1606 г. – Книга расходная Кириллова Белозерского монастыря 1605-1606 гг. – Рукоп. ЛОИИ, к. 115, №381.

Новг. лав. кн., 149. 1583 г. – Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Предисл. и ред. С.В. Бахрушина. М., 1930.

Новг. п. кн. II, 23. XVI в. – Греков Б.Д. Опись Торговой стороны в писцовых книгах по Новгороду Великому XVI века. – там же с. 1-80. 1585-1586 гг. [1586 г.].

Псков. а., 197. 1683 г. – Псков и его пригороды, кн. 2 (Сборник Моск. арх. Мин. юст., т. VI. М., 1914). 1580-1733 гг. [с. 1-13: 1580 г.; 309-312, 411-412, 457-459: 1584-1585 гг.; с. 14-287, 312-364, 367-410, 412-456, 459-480: XVII в.].

Хоз. Мор. I – Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. [Хозяйство боярина Б.И. Морозова, ч. I] // Материалы по ист. феод. – крепостн. Хозяйства. Вып. 1. М.; Л., 1933. 1646-1674 гг.

Чел. Лаз. Суб. Мат. IV, 264. 1668 г. – Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. Субботина, т. IV, ч.1. М., 1878.

***

В настоящей статье выполнен историко-семантический анализ слова «кандалы». Приведены все существующие лексические варианты данного слова в памятниках русской письменности. Широкая вариативность заимствованных слов рассматривается как феномен языка древних текстов.

***

In the present article the istoriko-semantic analysis of a word "shackles" is made. All existing lexical variants of the given word in monuments of Russian writing are given. Wide variability of loan words is considered as a phenomenon of language of ancient texts.

М. А. Бурибаева

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК ВЫЯВЛЕНИЯ ТЮРКИЗМОВ

Тюркизмы* в лексической системе русского языка сыграли немаловажную роль в его обогащении, в номинации новых понятий и реалий и, в целом, являются наиболее верным и точным доказательством русско-восточных контактов во всех областях. Как известно, изучению истории появления и дальнейшего функционирования тюркизмов в русском (и других славянских) языке посвящено

огромное количество лингвистических исследований отечественных и зарубежных ученых, которые однако большей частью были выполнены на материале памятников русской письменности XI-XVIII вв. Источником дальнейшего изучения «жизни» тюркского слова в современном русском языке часто выступают художественные произведения (прием сплошной выборки и следующий за

* Здесь: под понятием *тюркизм* понимаются слова, вошедшие в русский язык посредством или через посредство тюркских языков.

этим анализ эксцерпированного материала), а также лексикографические источники (толковые и двуязычные словари, словари языка писателя и т.д.). При этом исследователями не учитывался тот семантический объем слова, который оно приобретает в живом «действующем» языке, на разных уровнях существования языка, возможности появления формальных и семантических вариантов слова в диалектах, в устной речи и т.д. Следовательно, как писал академик В.В. Виноградов, «...субъективные свидетельства современников о семантическом строе слова, о восприятии его в ту или иную эпоху должны быть процежены через сито исторических фактов», при описании тюркизмов в русском языке недостаточно ограничиваться определенными хронологическими рамками – важно учитывать «жизнь» слова на всех уровнях языка, на всех этапах его развития и даже интереснее наблюдать, какую семантическую и внешнюю «окраску» они приобрели в русском языке на рубеже веков.

Уникальным источником выявления тюркизмов в современном русском языке является Национальный корпус русского языка, который, по мнению известного казахстанского ученого Э.Д. Сулейменовой, до сих пор не в полной мере используется отечественными лингвистами. «Корпус – это электронное собрание текстов, размеченное таким образом, чтобы в нем можно было быстро найти слова и конструкции с заданными грамматическими и другими интересными лингвисту свойствами» [1, с. 8]. Национальный корпус русского языка уже разработан лингвистами – специалистами по корпусной лингвистике и размещен на сайте www.ruscorpora.ru. Как видно из определения, на смену «устаревших» методов сбора языкового материала и обработки информации приходят «новые» – «комплексные», учитывающие функционирование языка, языковых единиц или слова на определенном этапе (или этапах), во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов.

Совсем недавно Э.Д. Сулейменова, выступая на пленарном заседании II международного конгресса «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии» (Астана, 2009), отмечала: «Для основной массы исследований последних десятилетий характерна органичная связь с теорией коммуникации, теорией референции, семиотикой, культурологией, социологией, поэтикой, когнитивными науками, герменевтикой и другими науками, что, с одной стороны, позволяет анализировать русский язык с новых позиций и с помощью нового метаязыка, с другой стороны, – делает казахстанскую русистику адекватной современной парадигме мировой лингвистики и науки в целом. Вместе с тем следует отметить и некоторое отставание казахстанской русистики, крайне редко прибегающей в своих исследованиях к богатейшим ресурсам корпусной лингвистики (в частности, фрагментарно используется Национальный корпус русского языка

www.ruscorpora.ru)» [2, с. 20]. Важность и необходимость обращения лингвистов при изучении истории того или иного слова к Национальному корпусу русского языка обосновывается тем, что, как отмечает В.А. Плунгян, «в корпус попадают образцы практически любого существующего в русском языке письменного дискурса – от статьи современного музыкального критика до инструкции по уходу за кактусами, от рассказов Пелевина до справочника по физике» [1, с. 8].

Как отмечают разработчики, «национальный корпус предназначен в первую очередь для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов – от одного до двух столетий. Другая задача корпуса – предоставление всевозможных справок, относящихся к указанным областям (лексика, грамматика, акцентология, история языка)» [3].

Итак, данный корпус позволяет нам максимально выявить тюркизмы в современном русском языке, на материале, отобранных из всех созданных в настоящий момент подкорпусов, пронаблюдать насколько данные, когда-то заимствованные иноязычные слова, адаптировались в языке, и какие семантические трансформации они пережили. Например, такие тюркизмы, как *алмаз, палач, кандалы, кольчуга, лачуга* адаптировались в лексической системе русского языка в такой степени, что без опоры на этимологические источники «с первого взгляда» порой трудно определить их иноязычность, чужеродность. Так, слово «алмаз» – «прозрачный, преимущественно бесцветный драгоценный камень с сильным блеском, самый твердый из всех минералов» [4, с. 8] известен любому русскому человеку, а история его вхождения в русский язык современниками давно позабыто.

«Историко-этимологический словарь современного русского языка» свидетельствует, что «алмаз» в значении «прозрачный драгоценный камень, отличающийся необыкновенной твердостью» употребляется в украинском, белорусском, болгарском языках. В других славянских языках *алмаз* называют *диамантом* (в серб., хорв., чеш., польск. языках), примечательно то, что в немецком, французском, английском, итальянском, испанском языках также существует подобное слово, восходящее к поздне-латин. *diamas* [5, с. 38].

Между тем, в памятниках русской письменности слово «алмаз» с вариантом «олмаз» встречается с XV в. Например, в «Хождении» Афанасия Никитина (по Троицкому списку):

«В Рачюре же родится алмазь» (л. 382 об.); «да на шапкѣ... алмазь великы» (л. 385); «а в Курьли же алмазьниковъ триста» (л. 390 об.) [5, с. 38].

В XVII веке слово «алмаз» активно употребляется в русском языке и приобретает большой словообразовательный потенциал. Об этом мы узнаем из «Словаря русского языка XI-XVII вв.» и Картотеки ДРС: